

лена на иракской сцене // Аль-Ермук (газ.). 1986. 9 марта.

11. Савушкина Н.И. Русский народный театр. М.: Наука, 1976.

12. Хасабалла Я. Чеховский вечер с «Медведем» и «Предложением» // Финун (журн.). 1986. 11 авг. С. 34–35.

13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976.

14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 13. М.: Наука, 1978.

15. Юсиф Дж. «Предложение» в Арбиле // Тарик аль-Шааб (газ.). 1975. 1 авг. С. 36.

* * *

1. Al'-Idari T. Predlozhenie i komedija za strochkami // Al'-Dzhumhuriya (gaz.). 1982. 12 ijunja. (Vse perevody s arabskogo sdelayu avtorom stat'i.)

2. Al'-Rubei A.-R. M. Hudozhestvennaja popytka v zale «Al'-Orfali lil' finun» // Finun (zhurn.). 1986. 25 avg.

3. Al'-Tajar H. «Predlozhenie» v Basre // Finun (zhurn.). 1982. 2 avg. S. 35–36.

4. Afisha p'esy A.P. Chehova «Predlozhenie» // Arhiv truppy irakskogo teatra «Druzhiba». Ministerstvo kul'tury i informacii Iraka.

5. Zingerman B.I. Oчерки istorii dramy XX veka. M.: Nauka, 1979.

6. Kugel' A.R. Utverzhdenie teatra. M.: Izd-vo zhurn. «Teatr i iskusstvo», 1923.

7. Larionova M.Ch. Dramaturgija A.P. Chehova i narodnyj teatr // Izvestija JuFU. Filologicheskie nauki. 2009. № 4. S. 16–23.

8. Milostnoj I.V. A.P. Chehov kak master vodevilja: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1973.

9. Mustafa A.A. Mezhdru Ibsenom i Chehovym. Kair, 1963.

10. Rahman F.A. Mysli i vospominanija. Bolee soroka let nazad odna iz p'es Chehova byla postavlena na irakskoj scene // Al'-Ermuk (gaz.). 1986. 9 marta.

11. Savushkina N.I. Russkij narodnyj teatr. M.: Nauka, 1976.

12. Hasaballa Ja. Chehovskij vecher s «Medvedem» i «Predlozheniem» // Finun (zhurn.). 1986. 11 avg. S. 34–35.

13. Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. Т. 3. М.: Nauka, 1976.

14. Chehov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochinenija: v 18 t. Т. 13. М.: Nauka, 1978.

15. Jusif Dzh. «Predlozhenie» v Arbile // Tarik al'-Shaab (gaz.). 1975. 1 avg. S. 36.

Farce play by A.P. Chekhov “A Marriage Proposal” on the Iraq scene

By the example of the farce play by A.P. Chekhov “A Marriage Proposal” there is traced the steady interest to Chekhov’s dramaturgy in Iraq. Emphasizing the social and psychological aspects in the work by the Russian writer, the Iraq theatre aims to adapt them to their own traditions, develops the specificity of their perception in a foreign cultural environment. Thus, Chekhov’s plays provide the establishment of the professional theatre in Iraq.

Key words: *Chekhov, dramaturgy, “A Marriage Proposal”, Iraq theatre.*

(Статья поступила в редакцию 28.01.2015)

В.С. ТОЛКАЧЁВА
(Ульяновск)

ПОВЕСТВОВАНИЕ ICH ERZÄHLUNG В РОМАНЕ М.В. СЕМЁНОВОЙ «ВАЛЬКИРИЯ»

Рассмотрены особенности повествования Ich Erzählung в романе М.В. Семёновой «Валькирия»: анализ героиней происходящих с ней событий; суждения, выражающие ее мифологическое мышление; лирические отступления (мечты, размышления об окружающем мире, самоанализ), фольклорная стилизация, сближающая повествование со сказом.

Ключевые слова: *Ich Erzählung, мифологическое мышление, метафоричность, стилизация, сказ.*

Роман «Валькирия» выделяется среди фэнтези и исторических романов М.В. Семёновой тем, что повествование в нём ведётся в форме Ich Erzählung. Такая форма определяет изображение главной героини в романе и события сюжета: повествование ведётся от первого лица, соответственно точка зрения главной героини управляет всем повествованием.

Это явление было исследовано в работах В.В. Виноградова [1]; Е.Г. Муценко, В.П. Скобелева и Л.Е. Кройчика [3]; О.Е. Фроловой [8]; В. Шмида [9]. Исследователи характеризуют Ich Erzählung следующим образом:

это «монологическая речь повествовательного характера» [1, с. 47]; которая строится по правилам книжной речи, но при этом ей свойственны черты устного, не подготовленного заранее монолога [1]. Автор и повествователь объединяются, а слушатель отсутствует, даже если есть обращение к собеседнику [2]; «информация, которая сообщается читателю, ограничена теми сведениями, которыми повествователь может располагать» [8, с. 39].

В повествовании главной героини – Зимы – можно выделить несколько составляющих. В первую очередь она рассказывает свою историю, излагает различные события, которые и составляют сюжет романа, и при этом высказывает свою субъективную точку зрения на них. При этом точка зрения героини имеет важное значение для сюжета. В самом начале романа Зима не хочет возвращаться домой из леса: «Нет уж, не побегу домой. Пусть Белёна хозяйничает, ничего, рученьки не отсохнут» [4, с. 9] – так заранее делается намёк на напряжённые отношения героини с семьёй и особенно с сестрой Белёной. Когда они с побратимом Яруном покидают свои роды, Зима обращает внимание, как его провожают родители: «Да, провожали Яруна совсем не так, как меня. У меня засвербило в носу...» [Там же, с. 61] – заметна её обида на семью. Когда Велета обижается на оскорбившего её Яруна, героиня считает её слишком избалованной: «Не обижали её, вот она и не выучилась прощать» [Там же, с. 200]. Так, практически любое событие получает определённую субъективную оценку. Зима воплощает в себе одну из моделей субъектов речи повествования от первого лица, описанных О.Е. Фроловой [8]; она одновременно рассказчик, наблюдатель и персонаж. В романе присутствует своеобразное обращение к читателю: «Самая пора, кажется, рассказать теперь про Злую Берёзу и про то, почему наш род ушёл с берега моря. Потому, боюсь, некогда будет!» [4, с. 15]. Однако слушателя как такового нет, более того, подобное обращение в тексте встречается достаточно редко, в основном повествование не адресовано никому.

Речь героини строится по правилам книжной речи. Её повествование связано, события излагаются достаточно последовательно, даже отступления от основной фабулы выглядят органично, и не только потому, что имеют значение для сюжета, а ещё и по той причине, что речь остаётся связной, в ней практически отсутствуют паузы, междометия, отклонения от логически связанного повествования, а обрывки фраз не нарушают его целост-

ности. Даже эмоционально окрашенные комментарии выглядят связными: «Как он хранил меня в поединке, в день Посвящения, когда летела над нами гремящая Перунова колесница. Как после учил уму-разуму, чтобы никто не обидел, даже привыкший бить в спину, исподтишка...» [Там же, с. 373]. Всё повествование лишено импровизации, выглядит заранее подготовленным. Это подтверждает и тот факт, что Зима знает, что произойдёт после окончания её истории, хотя и говорит, что на момент окончания повествования этого не знала: «к вешнему солнцу рванётся новый побег, ...свободный от всякого колдовства... Но тогда мне неоткуда было всё это знать» [Там же, с. 382]. Другое значимое подтверждение – Зима объясняет читателю, что в момент, о котором рассказывает, она думала не так связано, как сейчас: «Это жило во мне не так, как рассказываю. Не слитной мыслью – клочками, урывками дум, что летали, хлопая крыльями, как обезглавленные петухи по двору. Некогда было присесть, раскинуть умишком» [Там же, с. 87]. Так автор создаёт у читателя впечатление, что героиня излагает события, произошедшие с ней какое-то время назад, её цель – рассказать именно о них и, соответственно, она создаёт своё повествование заранее, а не в процессе рассказывания.

Особое место в романе занимают суждения Зимы, выражающие её мифологическое мышление: она уверена, что её подменили в животе у матери – должен был родиться сын; увидев варяжский корабль, мысленно укоряет Водяного за то, что не остановил его; пересказывает легенду о появлении железа как реальности; видит, что к поминальному костру приходят умершие предки членов её дружины; во время спасения Бренна видит призрак ободранного волка, который бежит рядом с ней. События, которые читатель может воспринимать как фантастические, воспринимаются героиней как естественные явления. Автор никак не комментирует это, не отрицает невероятность подобных событий. Так мир изображается с точки зрения только главной героини.

Повествование Зимы включает изобилие лирических отступлений. Условно их можно разделить на несколько групп: мечты о возлюбленном – Том, кого она всегда ждала; рассуждения об окружающем мире, жизни в целом; легенды о сотворении различных объектов мира (реальность для героини); размышления о собственной жизни. Эти отступления тесно переплетаются с изложением событий сюжета и служат для более полной характеристики образа героини.

Мечты о Том, кого она всегда ждала, – основная группа лирических отступлений, и их функция – мотивировка развития сюжета романа. Буквально каждое происходящее с ней событие она связывает со своей мечтой: проецирует события на свои воображаемые отношения с возлюбленным. В этих лирических отступлениях прямо выражается субъективная точка зрения героини, которая управляет повествованием.

Размышления Зимы об окружающем мире добавляют субъективности в повествование. Они так же, как и мечты, привязаны к происходящим с героиней событиям: она обдумывает, анализирует каждое конкретное событие и делает свои обобщения (увидев старую собаку, задумывается о старости и т.д.). В таких размышлениях проявляется своеобразная «философия» героини: в мире нет ничего случайного. Кроме того, рассуждая о мире вокруг, Зима часто сравнивает прошлое и настоящее и при этом подчёркивает, что в прошлом мир был правильнее, а сейчас правила и традиции утрачивают силу. В одних случаях её позиция нейтральна: «А одета я была парнем... Сто лет назад меня точно прогнали бы из дому за подобный наряд, а то и ведьмой назвали, но теперь времена были иные – ворчали, грозились и только» [4, с. 14]. В других – она превозносит прошлое, считает, что в настоящее время мир испортился: «Ныне мир изменился, и, зная, не в лучшую сторону» [Там же, с. 249]. Героиня не жила в прошлом, но уверена в его превосходстве над настоящим, что вновь свидетельствует о её мифологическом мышлении (идеализация прошлого как «золотого века» – черта, о которой писал Е.М. Мелетинский [2]).

Большое внимание в романе уделяется и её мыслям о собственной жизни, её саморефлексии. Зима постоянно анализирует саму себя в различных ситуациях: свои мысли о несчастной судьбе Хагена [4, с. 99]; свою внешность [Там же, с. 103]; расстраивается из-за собственной жёсткости и недостаточной женственности [Там же, с. 125, 238]; рассуждает о своём месте в дружине [Там же, с. 138]; задумывается, каково это – убивать [Там же, с. 163]. Можно заметить, что повествование состоит не столько из изложения событий, сколько из их анализа героиней.

Самоанализ героини – важный момент повествования, с его помощью даётся её характеристика. Основное качество, которое выделяет в себе Зима, – непохожесть на окружающих людей и несоответствие их ожиданиям: «Никогда-то не получалось у меня, что долж-

но, чего ждали бы люди» [Там же, с. 291, 304]. Героиня сравнивает себя с другими людьми и выявляет в своём мировосприятии противоположность их мировосприятию: «мне их ясная жизнь была вовсе не жизнью – сном тяжким...» [Там же, с. 45]. Она выделяется среди своих родных и физической силой, которая проявляется при защите щенка от братьев и формирует её дальнейшее мироощущение: «как будто поняла о себе нечто значительное и скрытое от других, и дело было не в силе, хотя и в ней тоже...» [Там же, с. 11]. Важной особенностью саморефлексии Зимы становится её сильная самокритичность. При первом появлении варягов она ругает себя за то, что мечтала о любви и накликала «черну толпу женихов» [Там же, с. 17]; до ухода из рода разрывается между своей мечтой о любви и долгом перед родом и сама себя упрекает за мечты. В размышлениях героини о себе практически нет положительных оценок, она всё время подчёркивает свои недостатки. Зиме свойственны внутренние противоречия: с одной стороны, она мечтает, с другой – ругает и высмеивает себя за это: «кто-то другой, всегда живший во мне, смотрел как будто со стороны и кривился, насмешничал» [Там же, с. 13].

Значимой особенностью речи Зимы является её поэтический строй, который создаётся на основе фольклорной тропики, в первую очередь, метафор. Метафорична мечта героини о любви: «И затеплится вдали живой огонёк, протрубит серебряный рог, откликнется человеческий голос... И раздвинет унизанные росой кусты, выплывет из тумана долгогривый уверенный конь, и выедет на поляну Тот, кого я всегда жду» [Там же, с. 12]. На протяжении всего романа в любовных мечтах присутствуют мотивы сказочного поиска, также представляющие собой легко узнаваемую метафору: «Зря, что ли, в любой басни реки огненные вброд переходят, сапоги железные стаптывают, короваи медные изгрызают?..» [Там же, с. 45]. В повседневных репликах присутствуют обороты, вызывающие ассоциации со сказкой или народной песней за счёт эпитетов и форм обращения: «Прости, змеюшка, ... не сердись на топотунью невежливую... Не мал камешек, не подерёмся» [Там же, с. 7].

Негативные события описаны также метафорично: «У каждого случаются дни, когда ну ничего не выходит. Срывается с крючка красавица щука, почти уже вынутая из воды...» [Там же, с. 51] – подобные высказывания предшествуют насильственному просватанию героини и необходимости ей уйти из рода. «Весь наш род был теперь похож на такого спесивого молодца, из-

валявшегося в грязи и не чающего найти виноватых» [4, с. 34–35] – так рассказывается о том, что варяги обязали род Зимы платить им дань. Образно и метафорично она описывает свои обиды: «Как будто крепким снежком пустили в лицо!» [Там же, с. 72]; «Я сказать не могу, в какую мёртвую бездну кануло сердце...» [4, с. 84]; «Вот оно – белым личиком об морской лёд» [Там же, с. 92].

Также можно отметить широкое употребление в тексте древнерусской лексики. Воины называются кметями («Там мои кмети» [Там же, с. 20]), своего дядю героиня называет стрьем («стрый-батюшка Ждан» [Там же, с. 50]), себя – братучадом («Я была ему братучадо» [Там же, с. 50]), сказание – басню («повела я дедушкину любимую басню» [Там же, с. 42]). Это позволяет М.В. Семёновой создать стилизацию, напоминающую о древнерусской речи.

Такой строй речи сближает повествование героини со сказом, хотя исследователи противопоставляют его *Ich Erzählung* [3]. Одной из форм сказа является «подражание сказочному, былинному и песенному складу»; фольклорная стилизация – часто встречающаяся черта сказа [5]; поэтому повествование в романе «Валькирия» можно охарактеризовать как *Ich Erzählung* с элементами сказа.

Сочетание этих противопоставленных форм повествования имеет определённые функции в романе. М.В. Семёнова называет «Валькирию» историческим романом (автор статьи употребляет термин «условно-исторический роман») и стремится создать правдоподобное изображение человека IX в., речь которого должна иметь сходство с речью героев фольклора и древней литературы, а также отражать его мировоззрение (в первую очередь, мифологическое мышление). С другой стороны, роман «Валькирия» относится к массовой литературе, цель которой – развлечение читателя, отвлечение его от повседневности. Соответственно, такой роман должен быть написан простым и понятным читателю языком, а древнерусская лексика, фольклорная стилизация, сказочные и песенные реминисценции, эпитеты, метафоры и сравнения создают образ героини, которой присуще поэтическое начало, проявляющееся в каждой оценке окружающего её мира.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
2. Мелетинский Е.М. Миф и XX век // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: Изд-во РГГУ, 1998. С. 419–426.

3. Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.

4. Семёнова М.В. Валькирия. Тот, кого я всегда жду. СПб.: Азбука-классика, 2010.

5. Сказ // Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com_lit/Skaz-4313/.

6. Словарь древнерусских слов [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.yaxy.ru/40.html#s2>.

7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]. URL: http://old_russian.academic.ru/.

8. Фролова О.Е. Рассказчик, повествователь, персонаж // Русская речь. 2007. № 6. С. 39–43.

9. Шмид В. Нарратология. М.: Яз. слав. культуры, 2003.

* * *

1. Vinogradov V.V. Problema skaza v stilistike // Vinogradov V.V. O jazyke hudozhestvennoj prozy. M.: Nauka, 1980.

2. Meletinskij E.M. Mif i XX vek // Meletinskij E.M. Izbrannye stat'i. Vospominanija. M.: Izd-vo RGGU, 1998. S. 419–426.

3. Mushhenko E.G., Skobelev V.P., Krojchik L.E. Pojetika skaza. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1978.

4. Semjonova M.V. Val'kirija. Tot, kogo ja vseгда zhdu. SPb.: Azbuka-klassika, 2010.

5. Skaz // Literaturnaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. URL: http://enc-dic.com_lit/Skaz-4313/.

6. Slovar' drevnerusskih slov [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://slovo.yaxy.ru/40.html#s2>.

7. Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://old_russian.academic.ru/.

8. Frolova O.E. Rasskazchik, povestvovatel', personazh // Russkaja rech'. 2007. № 6. S. 39–43.

9. Shmid V. Narratologija. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2003.

Narration “Ich Erzählung” in the novel by M.V. Semenova “Valkyrie”

There are considered the peculiarities of the narration “Ich Erzählung” in the novel by M.V. Semenova “Valkyrie”: the character’s analysis of the events happening with her; the judgments expressing her mythological thinking; lyrical digressions (dreams, reflections about the world around, self-analysis), folklore pastiche of a tale.

Key words: *Ich Erzählung, mythological thinking, metaphors, pastiche, tale.*

(Статья поступила в редакцию 6.11.2014)